Митрополит Иларион: Церковь поддерживает искусство, которое учит нравственным ценностям

13 мая 2017 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на телеканале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте! Мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом о событиях, которые произошли в России и в мире. Владыка, здравствуйте!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: На этой неделе Франция выбрала для себя нового президента. Террористическая угроза, миграционный кризис – все это серьезно добавило очков национально ориентированным силам в Европе. И хотя Марин Ле Пен на этих выборах проиграла, выборы показали, что западный избиратель активно ищет для себя политическую альтернативу. Правая партия в Германии так себя и назвала – «Альтернатива для Германии». Для США подобной альтернативой стал Дональд Трамп.

Вы много лет работали в Европе. С чем Вы связываете восхождение евроскептиков сегодня?

Митрополит Иларион: В Европе наметилась определенная ярко выраженная тенденция разочарования в так называемых новых европейских ценностях. Европа, с моей точки зрения, это континент с очень глубокими христианскими корнями.

Создатели Европейского Союза были людьми верующими, которые хотели построить этот Союз государств на христианских ценностях. Но затем стала происходить постепенная деградация этой идеи: христианские ценности и вообще нравственные ценности уступили место ценностям иного рода. В Европе было создано потребительское общество с весьма размытыми ценностными ориентирами. Это общество, с одной стороны, очень открытое и в этом есть много преимуществ, например, открытые границы – не надо стоять на границе, чтобы получить визу. С другой стороны, так называемые демократические ценности и демократичный подход привели к тому, что миграционная политика в разных странах стала весьма неразборчивой.

Культурный код той или иной страны зависит от истории, от веры, которую исповедует большинство ее населения, от того, на какие культурные ценности они ориентируются. Но сейчас все это размывается: вы приезжаете в Лондон или Париж, идете по какому-то кварталу и не понимаете, где находитесь – в Лондоне или в Марокко, или, может быть, в Индии – потому что целые кварталы заселяются людьми, абсолютно чуждыми культуре этой страны.

Для коренного населения все это создает проблему. И здесь, как мне кажется, речь идет не о каком-то национализме или шовинизме, а о том, что люди хотят жить в собственной стране, такой, какой она сложилась в течение многих веков, где жили их отцы, матери, деды, прадеды, прабабушки и так далее.

Для того, чтобы сохранить культурное цивилизационное лицо страны, нужно прежде всего хранить ее веру. И когда христианские ценности размываются, когда о христианских корнях перестают говорить, это создает очень серьезные проблемы.

Е. Грачева: Депутат Госдумы от «Единой России» Владимир Ресин предложил пересмотреть проекты строящихся в Москве храмов и заявил парламентариям (он еще и советник Патриарха Кирилла по строительству), что маленькие храмы строить нерентабельно, поскольку существующие храмы уже не могут вместить в себя поток верующих во время торжественных мероприятий.

Раньше на Руси храмы строились церковными общинами, то есть непосредственно теми людьми, кто потом будет ходить в эти храмы. Сегодня в большинстве случаев проекты строительства того или иного храма в городах-миллионниках спускаются сверху.

Митрополит Иларион: Владимир Иосифович очень опытный человек и не просто на бумаге проектирует эти храмы. Он ездит по храмам. Когда тот или иной храм строится, освящается Патриархом, очень часто Ресин там присутствует.

Мы видим, что поначалу, когда эта программа была инициирована, храмы действительно строились маленькие. И уже на момент окончания строительства было ясно, что люди туда не вмещаются, то есть получается, что построенный храм оказывался мал еще до того, как начал функционировать. Это все равно, что купить одежду, которая заведомо вам мала.

Вы говорите, что инициатива исходит сверху. Инициатива исходит снизу, потому что люди просят о том, чтобы храм был построен. И храм никогда не строится на пустом месте – храм всегда строится там, где уже есть община, у которой зачастую есть какое-то временное помещение. Иногда богослужения совершают вообще в вагончиках или в каких-то гаражах. И на этом месте строится

храм.

Конечно, Церковь эту работу ведет организованно. И в этом плане можно говорить, что сверху предлагаются какие-то проекты, что Патриархия все это контролирует, что викарии Патриарха по городу Москве следят за строительством этих храмов. Но ни один храм никогда не создается просто так, а всегда в ответ на инициативы людей.

Е. Грачева: Но Ресин говорит о том, что храмы сегодня не вмещают всех желающих во время торжественных мероприятий, то есть, речь идет о крупных церковных праздниках. И если посмотреть на большие храмы, которые строятся в спальных районах, например, в Переделкино, где построили большой храм, который заполнен во время больших праздников, но по обычным воскресным службам он пустует... Что в данном случае является критерием? Ведь район может быть большим, но община, которая регулярно посещает службы, может быть маленькой.

Митрополит Иларион: В храме, где я служу, в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Большой Ордынке, на престольный праздник народу собирается очень много, и далеко не все вмещаются в храм. Из-за многолюдства не все вмещаются в храм на Пасху, на Рождество. В Великую Субботу во время богослужения многие, опять же, стоят на улице.

Получается, мы должны строить маленькие храмы, чтобы люди стояли на улице? Но у нас не такой климат. Есть храмы, где можно молиться под открытым небом круглый год, а у нас под открытым небом можно молиться только летом, да и то не всегда. Поэтому мы строим такие храмы, которые могут вместить всех верующих, пришедших и на воскресную службу, и на Пасхальную службу, чтобы не было толпы, давки. Опять же, по опыту служения в своем приходе я могу сказать, что у нас постоянно происходит давка перед причастием. Я специально прошу охранников, чтобы они сдерживали толпу, чтобы люди не давили друг друга. Отчего это происходит? От того, что мало места. Поэтому здесь нет никакого перебора. Наоборот, мы пока не успеваем за той скоростью, с которой увеличивается наша паства.

Е. Грачева: Нет опасения, что в умах большинства россиян грандиозные проекты храмов – это символ сращивания власти и Церкви?

Митрополит Иларион: А в чем здесь заключается сращивание, когда храмы строятся на церковные деньги и содержатся на деньги верующих? У нас же государство не дотирует ни храмы, ни Церковь, не платит священникам зарплату. Есть такие страны, где государство на себя берет заботу о Церкви, например, на Кипре, где государство выплачивает священникам зарплату. В Греции и в целом ряде других стран то же самое. У нас этого нет, и нам этого не требуется. Мы просто хотим, чтобы у нас было достаточное количество храмов для всех наших верующих. И

поскольку число наших верующих стабильно растет, то и количество храмов должно увеличиваться.

В 1988 году, когда мы праздновали 1000-летие Крещения Руси, в Русской Церкви было 6 тысяч храмов на всю Русскую Церковь. Сейчас у нас 36 тысяч храмов, то есть, мы за эти годы с одинаковой примерно скоростью открывали по 1000 храмов в год или по три храма в день. Это же не по разнарядке делалось. Это делалось, потому что люди не вмещаются в существующие храмы.

Е. Грачева: О других новостных темах. Владимир Путин подписал закон о запрете регистрировать в управлении ЗАГС имена, которые в себе содержат символы, знаки, цифры, ненормативную лексику.

Еще несколько лет назад этот вопрос в принципе не стоял на повестке. Но сегодня в нашей стране уже растут граждане с такими именами, как, например, БОЧ рВФ 260 602 (Биологический Объект Человека рода Ворониных-Фроловых). Вообще, фантазия некоторых родителей не знает границ. Поможет ли эта запретительная мера? Ведь родители могут называть детей Люциферами.

Митрополит Иларион: Думаю, в какой-то степени она поможет, но, как мне говорил один очень умный человек, никакими законами невозможно исчерпать все многообразие человеческой глупости. Поэтому, к сожалению, такие меры принимаются в ответ на уже имеющиеся прецеденты. Не было бы прецедентов – не было бы нужды в таких законах.

Е. Грачева: В советское время детям давали такие имена, как, например, Даздраперма – от «Да здравствует первое мая».

Митрополит Иларион: Это, может быть, была расхожая шутка, хотя имена были самые разные: Рэм – от "Революция, электрификация, марксизм" или Владлен – от "Владимир Ленин" и много других искусственно созданных имен. Но тогда это поддерживалось идеологией и, по крайней мере, эти имена не были непристойные. А сейчас ведь человеку при рождении могут дать и непристойное имя. И почему он должен с ним жить до 14 лет, пока сам не получит право его поменять?

Е. Грачева: Владыка, уже ко Дню города на площадь Тверская застава вернут памятник Максиму Горькому, и, как сообщается на портале мэра, реставрация монумента начнется в конце мая.

Как лично Вы относитесь к творчеству атеиста, коммуниста Максима Горького? И лично для Вас меняется ли отношение к выдающимся личностям, таким как Шостакович, Вольтер, Шевченко и другим, из-за их собственных религиозных или антирелигиозных убеждений?

Митрополит Иларион: Лично я не большой поклонник творчества А.М. Горького. Но, думаю, что наших телезрителей не столько интересует моя личная позиция, сколько позиция Церкви, которая заключается в следующем. Церковь поддерживает всех тех людей, в том числе и творческих, которые учат нравственным ценностям. И не обязательно, чтобы они были при этом верующими или открыто агитировали других в пользу Церкви или в пользу той или иной религии. Церковь поддерживает искусство, которое учит нравственным ценностям. Если же искусство безнравственное, если оно развращает людей, то Церковь его не поддерживает.

Вкусовой критерий может быть самый разный. Я знаю церковных людей, которые абсолютно не приемлют роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». И я знаю церковных людей, в том числе иерархов Церкви, у которых это чуть ли не любимое произведение.

Вы упомянули Д.Д. Шостаковича. Мне это имя особенно близко. До сих пор спорят, был он верующим или нет. Его сын Максим Дмитриевич мне говорил, что отец был, несомненно, верующим человеком, и что он показывал ему, Максиму, на картину, где изображен Христос и говорил, что это самый великий Человек, который жил на земле. В одном из своих писем, еще в конце 20-х годов Д. Шостакович писал: «Я зашел в Храм Христа Спасителя, помолился о тебе, поставил за тебя свечку». Но, конечно, открыто исповедовать свою веру, даже если она у него была, он не мог. Церковную музыку он не писал, в отличие от некоторых других композиторов, которые даже в эти годы тайно писали церковную музыку. Но для меня не это главное в Шостаковиче, а то, что об этом человеке можно сказать, что он голос и совесть нашего народа.

В творчестве Максима Горького было много двойственного. Мы ведь знаем Горького, в основном, по его относительно ранним произведениям. Чем дольше он жил в Советском Союзе, тем труднее ему становилось оставаться писателем, он все больше превращался из писателя просто в некий символ, в человека, который обслуживал, по сути дела, своим творчеством и своим образом тоталитарный режим, и который в итоге, как и многие другие, стал жертвой этого режима. Мы же знаем, как прошли его последние годы. Мы знаем о его отношениях со Сталиным. Мы знаем о судьбе его сына. И судьба Горького была трагической.

Я считаю, что А.М. Горький – это человек, который, при всем своем противоречивом характере творчества и личности, безусловно, заслуживает памятника.

Е. Грачева: Мосгордума рассматривает вопрос установки памятной таблички русскому философу Павлу Флоренскому, хотя в 1935 году Русская Церковь - как за рубежом, так и в России - его софиологию осудила как ересь. Формально Флоренский мог быть прославлен в нашей стране как священномученик. Как Вы лично относитесь к Павлу Флоренскому? И как к нему относится

современная Русская Церковь?

Митрополит Иларион: Я лично очень сдержанно отношусь к отцу Павлу Флоренскому как богослову. Я признаю его выдающееся значение в развитии нашей философской мысли, даже в развитии нашей богословской мысли, при всех тех увлечениях, которым он был подвержен. Конечно, его богословское наследие представляет собой весьма своеобразный сплав самых разных влияний, то есть его никоим образом нельзя назвать эталоном православного богословского мышления. Отец Павел Флоренский был также крупным математиком, проявил выдающиеся способности и в других естественных науках.

Безусловно, это человек, который заслуживал бы и мемориальной доски, и памятника. Но что касается его канонизации как священномученика – этот вопрос решается у нас специальной комиссией, которая изучает подобного рода личности по всей совокупности факторов: как человек вел себя в заключении, как он себя вел на допросах, какие остались протоколы от этих допросов. И, конечно, это касается и его богословского и философского наследия, которое в данном случае неоднозначно.

Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на сайт программы «Церковь и мир» ***vera.vesti.ru.***

Вопрос: В молодой семье отец – мусульманин, а мать – крещеная. Ждут ребенка. Как поступить? Крестить ребенка или совершить мусульманский обряд? Или дать возможность ребенку вырасти и самому сделать свой выбор?

Митрополит Иларион: Церковь очень сдержанно относится к так называемым смешанным бракам, когда две половины супружеского союза принадлежат не только к разным христианским конфессиям, но и к разным религиозным традициям. Всегда в таком случае встает вопрос: а как же воспитывать детей? Здесь, как правило, побеждает та сторона, которая более сильна в вере.

С точки зрения Церкви, конечно, если хотя бы один из родителей является православным христианином, ребенок должен воспитываться в православной вере. Откладывать решение вопроса на потом, дескать, ребенок вырастет и сам выберет – значит, просто отказываться от решения этой проблемы. Ведь если ребенок вообще не воспитан в какой бы то ни было религиозной традиции – из чего он будет выбирать?

Возможно, если у супругов достаточно сил, такта, они смогут рассказать ребенку и о той, и о

другой вере, и в какой-то момент он сделает выбор. Но на практике реализовать это очень сложно. Поэтому здесь остаётся надеяться только на мудрость родителей и на то, что у них хватит сил, чтобы сделать правильный выбор веры. А с точки зрения православного христианина, конечно, истинная вера – это православное христианство. И я не думаю, что мы здесь можем предложить иной вариант или дать другой совет.

Вопрос: В 1977 году у меня родился сын. Это было в ГДР. Муж был военный. На 4-й день младенец умер в роддоме, диагноз – врожденное воспаление легких. Мертвым его не видела, врачи не разрешили, сказав, что нельзя травмировать психику. Похоронить ребенка тоже не разрешили, сказали, что нельзя на территории ГДР. Есть сомнения в том, что сын действительно умер. Что же делать: служить за упокой души нельзя (вдруг он жив), служить о здравии тоже нельзя, ибо нет гарантии, что он жив. Меня всю жизнь мучает этот вопрос.

Митрополит Иларион: Считаю, что в данном случае надо молиться Богу своими словами, потому что если вы не успели его крестить, то весьма вероятно, что он умер некрещеным. Но Господь заботится о каждом человеке, и помните, что у Бога все живы. У Бога вообще нет мертвых. Я надеюсь, что эта мысль и молитва рано или поздно принесут вам успокоение.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/48500/